

ИНИЦИАТИВНАЯ ГРУППА БЫВШИХ РУКОВОДЯЩИХ РАБОТНИКОВ КАЛМЫЦКОЙ АССР И ЕЕ УСИЛИЯ ПО ОСВОБОЖДЕНИЮ КАЛМЫЦКОГО НАРОДА ИЗ СПЕЦПОСЕЛЕНИЯ (1944–1956 гг.)

27 декабря 1943 г. Президиум Верховного Совета СССР и Политбюро ЦК ВКП(б) приняли решение о ликвидации Калмыцкой АССР. Калмыцкое население этого региона, а также Ставропольского края, Ростовской и Сталинградской обл. подлежало депортации в Алтайский и Красноярский края, Омскую и Новосибирскую обл. К 3 января 1944 г. из мест исконного проживания депортировали 93 139 калмыков¹. 4105 военнослужащих калмыцкой национальности были «изъяты» из Красной армии и также направлены в места спецпоселения². Основанием для депортации стало обвинение калмыцкого народа в сотрудничестве с гитлеровскими оккупантами и «бандповстанческой» деятельности.

В Красную армию в период Великой Отечественной войны мобилизовали от 28 до 30 тыс. калмыков (19–20% всей численности народа), из которых от 16 до 17 тыс. погибли³. Численность же военных коллаборационистов из числа калмыков была минимум в 4 раза меньше – от 3.5 до 7 тыс. человек⁴. Число всех жителей Калмыкии (не только калмыков по национальности), сотрудничавших с гитлеровцами в гражданской сфере и впоследствии ушедших вместе с оккупантами, составляло около 3.5 тыс. человек⁵. Таким образом, утверждения о «массовом коллаборационизме» среди калмыков оснований не имели. Бандитизм на территории Калмыцкой АССР также не был из ряда вон выходящим: в 1943 г. в этом регионе зарегистрировали 16 «бандпроявлений»⁶, в то время как в Ставропольском крае за тот же период их было 160, в Дагестанской АССР – 112⁷.

Некоторые исследователи видят причину депортации калмыков в «давней неприязни» И.В. Сталина к калмыцкому народу, обосновывая такое мнение его словами, сказанными в апреле 1923 г.: «Стоит допустить маленькую ошибку в отношении маленькой области калмыков, которые связаны с Тибетом и Китаем, и это отзовется гораздо хуже на нашей работе, чем ошибка в отношении Украины»⁸. На мой взгляд, отрицательного отношения к калмыкам в этом высказывании не обнаруживается. Напротив, здесь подчеркивается их значимость, что подтверждают другие слова Сталина: «Восточные народы... важны для революции, прежде всего»⁹. Именно такая позиция советского руководства была воспринята в среде калмыцкого народа. Бывший управделами СНК Калмыцкой АССР С.-Г.М. Манджиев говорил о депортации калмыков: «Эта мера явилась неожиданностью, ибо калмыцкий народ в восточной политике правительства играет важную роль как народ восточной расы»¹⁰. Принимая во внимание отсутствие у советского руководства предубеждения по отношению к калмыкам, следует согласиться с мнением о скоропалительности и спонтанности решения о депортации этого народа. За 2 с небольшим недели до их выселения (8 декабря 1943 г.) было принято специальное постановление правительства, имевшее противоположное назначение, о выделении средств для восстановления Калмыцкой АССР и оказания помощи калмыцкому народу¹¹.

В течение первых месяцев после депортации и размещения на новых местах часть калмыков выражала стремление «прочно устроиться» на новом месте¹². В словах отдельных спецпереселенцев сквозило осознание некой «вины» перед страной и того, что «веры... калмыкам теперь не будет»¹³. Другие считали, что «калмыки как нация

* Синицын Федор Леонидович, кандидат исторических наук.

своими действиями заслужили переселение, но... в этом не виноваты все, т[ак] к[ак] часть калмыков сражалась против немцев¹⁴.

Тем не менее «повинные» настроения не носили массового характера¹⁵. Более распространенной и вполне закономерной реакцией на депортацию стали возмущение и обида, проявившиеся в отрицательном отношении к работе на новых местах поселения со стороны некоторых калмыков¹⁶ и выражении резко негативных по отношению к факту депортации настроений. Органы НКВД сообщали, что «о переселении отрицательно говорят все и много, однако по-разному». Люди, честно сражавшиеся с гитлеровцами, и другие «просоветски настроенные» калмыки считали, что переселение имело несправедливый характер¹⁷, утверждали, что «многие из нас абсолютно ни в чем не виноваты, работали только в пользу советского государства»¹⁸, «нас выслали неправильно», «мы... страдаем за людей, которые занимались разными пакостями»¹⁹.

Часть калмыков, настроенная резко антисоветски, утверждала, что «в результате переселения калмыки вымрут», так как их «переселили для того, чтобы... уничтожить», «заморить с голоду»²⁰, потому что «советская власть всех калмыков считает за зверей» и стремится к тому, чтобы они «все в лесу подошли», «пропали как мухи»²¹. Некоторые спецпоселенцы открыто выражали свою ненависть по отношению к Сталину²² и сотрудникам НКВД²³. Проявлялись также русофобские²⁴ и грузинофобские настроения (последние были инспирированы тем фактом, что Сталин «грузин и поддерживает свою национальность»)²⁵. Факт депортации объяснялся тем, что «мы не нравимся русским и грузинам». Широко распространялись прогитлеровские настроения²⁶, которые к концу 1944 г. сменились на выражение надежд на помощь со стороны Великобритании и США. Высказывались также идеи ориентироваться на Японию²⁷.

В то же время, непреходящими были надежды на исправление несправедливости по отношению к калмыцкому народу и о скором возвращении его на родную землю. Подавляющее большинство депортированных не верило, что калмыки оказались в Сибири навечно. Многие надеялись на то, что калмыцкому народу дадут национальную автономию в рамках Ойротии²⁸, Бурят-Монголии, Хакасии, Монголии²⁹ или одной из областей Сибири³⁰. В начале 1944 г. среди калмыков распространился слух, что будто бы на X сессии Верховного Совета СССР было вынесено решение о возвращении их на родину, в связи с чем начались усиленная продажа вещей и сборы в дорогу³¹. В июле 1944 г. возникли слухи о том, что все калмыки будут мобилизованы для работы на промышленных предприятиях³². Надежды на возвращение и слухи о новом переселении мешали калмыкам обустриваться на новых местах³³. Многие из них проявляли нежелание строить или приобретать собственные дома³⁴.

Кроме надежд на возвращение, часть калмыков питала повстанческие настроения³⁵. Среди них ходили слухи, что некое «волнение» уже началось на фронте, где «среди красноармейцев – калмыков, казахов и туркмен – создалось сильное недовольство выселением калмыцкого народа»³⁶. Некоторые калмыки решались на акты террора в отношении представителей власти: например, демобилизованный лейтенант Красной армии Н. Бордеев убил бригадира совхоза Зубова (по данным НКВД, попав под влияние «антисоветского элемента»)³⁷. Сильны были намерения совершить побег из спецссылки, особенно с наступлением весны 1944 г.³⁸ К маю 1944 г. в Красноярском и Алтайском краях, Новосибирской и Омской обл. калмыки совершили 30 побегов³⁹. К 1 июня 1944 г. побег из спецпоселения совершили уже 246 калмыков, из которых 133 были задержаны, 51 побег предотвратили органы НКВД⁴⁰.

Кроме насильственного выселения из родных мест, другой причиной категорического неприятия факта депортации стало плохое материально-бытовое положение депортированных на новых местах поселения, включая жилищные условия и обеспечение питанием⁴¹. Тяжелые условия жизни на новом месте вызвали высокую смертность среди калмыцкого населения, особенно в 1944–1946 гг., когда умерли 17.4% калмыцкого населения⁴². Если к началу 1944 г. численность спецпереселенцев-калмыков составляла 91 919 человек⁴³, то к середине 1948 г. она сократилась до 74 918⁴⁴. Тяжелым в первое время после депортации оказалось положение детей спецпереселенцев-калмыков.

Например, в Тюменской обл. из 2019 детей к концу 1944 г. имели возможность учиться в школе только 219 человек (10,8%). У большинства детей не было одежды и обуви. Отмечалось пренебрежительное отношение ряда руководящих работников городских и районных отделов народного образования к обучению калмыцких детей⁴⁵.

В отдельных районах местное население к калмыкам отнеслось враждебно⁴⁶. Негативное отношение проявлялось и со стороны отдельных руководящих работников, в том числе секретарей райкомов ВКП(б). Слабой среди спецпереселенцев-калмыков была политическая работа. Органы НКВД отмечали, что «газет они не читают, что делается на фронтах, в стране, в области... не знают и питаются различными слухами, подчас исходящими от враждебных элементов»⁴⁷. Не знали калмыки и свое правовое положение.

Бывшие руководящие работники Калмыцкой АССР были депортированы и размещены на местах спецпоселения вместе с остальным населением республики. Характерно, что многие из них в первое время после депортации продолжали считать себя частью советской системы, – в частности, прибывшие в числе спецпереселенцев бывшие работники органов НКВД и НКГБ претендовали на работу в этой системе на местах спецпоселения⁴⁸. Однако, хотя по классификации спецпереселенцев бывшие руководящие советские и партийные работники относились к категории «не социально опасных», которым предоставлялся режим большего благоприятствования в трудоустройстве⁴⁹, значительная часть бывших руководящих работников Калмыцкой АССР (по мнению НКВД, «без достаточных к тому оснований») не была востребована, что поставило ее в тяжелые материальные условия. В частности, бывший нарком торговли Мукоокуев зарабатывал тем, что ходил по дворам и колот дрова, а бывший комиссар партизанского отряда Л.-Г. Дорджи-Гаряев работал сторожем⁵⁰.

Сразу же после водворения на место спецпоселения среди бывших руководящих работников Калмыкии началось налаживание контактов друг с другом, обсуждение случившегося, попытки найти выход из создавшейся ситуации. По воспоминаниям бывшего управляющего рыбтрестом Калмыкии Д.Л.-Г. Андраева, с первых же дней он установил связь «со своими товарищами, с которыми был знаком еще дома», в том числе с бывшим секретарем обкома ВКП(б) по идеологии Д.Б. Утнасуновым, заместителем наркомздрава Ц.К. Корсункиевым, с которыми его «сблизила и сделала единомышленниками общая беда и чувство тревоги за судьбу своего народа». Бывшие руководящие работники Калмыкии обсуждали несправедливость выселения и трудности жизни калмыков на спецпоселении, приходя к выводу, что «надо писать в Москву обо всем», хотя и была неопределенность, «кому из партийных и государственных руководителей адресовать письмо», «дойдет ли оно по назначению», «не перехватят ли»⁵¹.

Общим среди калмыцкой элиты стало мнение, «что переселение калмыков является грубой политической ошибкой»⁵² и актом «уничтожения малых национальностей»⁵³, «противоречит основам ленинско-сталинской национальной политики и ведет к уничтожению нации»⁵⁴, «к вымиранию народа», разрушило «культуру, искусство и ту литературу, которые были созданы в Калмыкии»⁵⁵. Они указывали, что «в истории России... не было ни одного случая, чтобы выселяли целую нацию», подчеркивая, что «переселение калмыков по своей жестокости и бесчеловечности превосходит все, что знает история»⁵⁶. Проводились параллели между депортацией калмыков и гитлеровской расовой политикой: «Правильно ли преследовать калмыков по единокровию с калмыками-изменниками, как это делают немцы?»⁵⁷.

В то же время, мнения о причинах депортации были разными. Часть бывших руководящих работников Калмыкии надеялась, что верхушка советского руководства «не знает» о депортации калмыков, так как «эта мера противоречит основам сталинской национальной политики». Они ссылались на якобы существовавшую до революции практику, когда законы издавало «окружение царя от его имени», а «сам царь многих из этих законов не знал». Считалось, что «основную роль в переселении калмыков в Сибирь сыграли органы НКВД и ряд высокопоставленных людей из окружения Стали-

на»⁵⁸. Бывший председатель Верховного Совета Калмыкии Д.П. Пюрвеев утверждал, что «переселение калмыков... – это дело рук враждебных элементов, имеющих в советском правительстве, которые в целях создания недовольства переселили нас в Сибирь»⁵⁹. Мнение о наличии «вредительства» в советском руководстве разделял бывший ответственный работник Рыбтреста Калмыкии У. Дорджиев: «Во время оккупации немецкими войсками Элисты правительство не разрешило эвакуировать калмыцких коммунистов, и таким образом в Элисте осталось около 600 человек членов партии, которые были уничтожены немцами. Кто же отвечает за жизнь этих коммунистов?»⁶⁰. Г. Кедеев, поселковый комендант УНКВД Томской обл. из числа спецпереселенцев-калмыков, обвинял в депортации «русских, сидящих в НКГБ», которые «систематически сообщали в Москву дутые сведения». Он утверждал, что «они на несчастьях калмыцкого народа хотели выслужиться и добились этого», в результате чего советское правительство и, «в частности, тов. Сталин были информированы неправильно, а калмыцкая верхушка не могла сообщить истины»⁶¹. Однако другие представители калмыцкой элиты утверждали о целенаправленности советской политики депортаций («Сталин переселяет целые национальности, не разбирая, кто виноват и кто не виноват»), почти пророчески указывая, что «после переселения калмыков будет переселена Кабардино-Балкарская и Чечено-Ингушская республики»⁶².

К весне 1944 г. инициативная группа бывших руководящих работников Калмыцкой АССР окончательно сформировалась. В ее состав вошли председатель комитета по делам искусств И. Мацаков, нарком торговли Мукоокуев, заместитель председателя Госплана Ц.О. Саврушев, нарком юстиции Бадминов, заведующий Оргинструкторским отделом обкома ВКП(б) И.Д. Азыдов, заместитель наркомзема Ц. Манджиев, управделами СНК С.-Г.М. Манджиев (Куйбышевский район Новосибирской обл.), секретарь обкома ВКП(б) по пропаганде Д.Б. Утнасунов, заместитель председателя СНК Д.Г. Гахаев, управляющий Госрыбтрестом Д.Л.-Г. Андраев, начальник Главлита А.Б. Наднеев (Барабинский район Новосибирской обл.), секретарь обкома ВКП(б) Е.Э. Кокшунов, председатель СНК Н.Л. Гаряев, заместитель председателя СНК Б.-Г.Ц. Эрдниев, председатель Президиума Верховного Совета республики О.М. Ностаев (Назаровский район Алтайского края) и др. Ядро группы составляли Гахаев, Манджиев, Азыдов, Саврушев, Утнасунов, Мацаков и Мукоокуев. По данным НКВД, они «систематически устраивали сборища и влияли на остальную часть калмыцких руководящих работников». По инициативе Гахаева было принято решение подготовить индивидуальные и коллективные заявления в советское правительство, требуя «пересмотра калмыцкого вопроса и предоставления калмыкам национальной автономии»⁶³.

Лидерство в группе фактически взял на себя бывший заместитель председателя СНК Калмыцкой АССР Гахаев. Уже в январе 1944 г. (менее, чем через месяц после депортации) он написал письмо Сталину, в котором убеждал последнего в том, что «абсолютное большинство сознательной части калмыцкого народа предано советской власти», и с болью спрашивал руководителя государства: «Почему Вы решили выселить всех калмыков, включая невинных?.. Разве нельзя было выселить и послать на принудительную работу 10–15 тысяч виновных?»⁶⁴.

В мае 1944 г. Гахаев посетил Куйбышевский район Новосибирской обл. Здесь на квартире бывшего управделами СНК Калмыцкой АССР Манджиева состоялось собрание, на котором присутствовали также Мацаков и Мукоокуев. Участники собрания приняли решение ходатайствовать перед советским правительством о переселении калмыков в Алтайский край или Бурят-Монголию и создании на территории одного из этих регионов Калмыцкой автономной области. В Куйбышевском районе Гахаев и бывший секретарь Калмыцкого обкома ВКП(б) по пропаганде Утнасунов встречались также с Азыдовым и Саврушевым⁶⁵.

Вскоре после начала деятельности инициативной группы от ее участников в советское правительство стали поступать коллективные и индивидуальные заявления, которые включали в себя следующие требования: предоставление национальной автономии, амнистия и разрешение свободного проживания для бывших руководящих ра-

ботников Калмыцкой АССР, оказание срочной помощи депортированным калмыкам⁶⁶. Гахаев направил в советское правительство письма с требованиями «дать автономию», «дать указания о равноправии коммунистов и необходимости произвести проверку наших рядов», «сселить в одно место и держать на казарменном положении семьи предателей», «возместить скот честным колхозникам», «оставить фронтовиков на фронтах», «оказать материальную помощь», «рассеять неправильное представление о калмыках – если частное не принять как целое, то калмыцкий народ в основном морально здоров, был, есть и будет патриотом своей Родины». В письме на имя М.И. Калинина Гахаев просил его ответить на такие вопросы: «1. Неужели калмыцкий народ должен умереть голодной смертью среди своих советских людей и в своей Советской Стране? 2. Неужели преследуется виновность по крови? 3. Неужели целая нация должна отвечать за преступления ничтожного меньшинства?»⁶⁷.

Утнасунов, Андраев, С. Менкеев, Корсункиев и Гахаев направили коллективное заявление в Комиссию партийного контроля ЦК ВКП(б). В первой части заявления авторы цитировали речь Сталина на XII съезде РКП(б) «о значении калмыков, о достижениях Калмыкии», делая вывод, что, «исключая незначительную часть, калмыки выполнили свой долг перед Родиной». Далее они приводили «ряд фактов о тяжелом положении калмыков», и, наконец, в третьей части выдвигали требования «создать национальную автономию, создать правительственную комиссию по проверке положения калмыков, оказать срочную материальную помощь, наказать действительных пособников немцев»⁶⁸. Письмо было адресовано на имя секретаря ЦК ВКП(б) и председателя Комиссии партийного контроля А.А. Андреева (Утнасунов в период учебы в Москве слушал его выступления и «вынес хорошее впечатление о нем»). Участники группы решили, что человек такого масштаба, как Андреев, «обязательно разберется в нашем вопросе и, если будет нужно, дойдет и до Сталина». Но проходили месяцы, а ответа не было. Отсутствие результата участников группы «сильно огорчило, но не остановило». Они продолжали писать письма и ждать⁶⁹.

В ноябре 1944 г. письмо на имя Сталина направил Пюрвеев. Он просил главу государства оказать калмыкам продовольственную помощь, принять меры к предотвращению дальнейшего увеличения смертности, улучшить хозяйственное и продовольственное обеспечение калмыцкого населения⁷⁰.

Поздней осенью 1944 г. Гахаев, Саврушев, Утнасунов, Мацаков и Мукоокуев провели собрание, на котором решили написать петицию о переселении калмыков в Ойротию или Бурят-Монголию. После этого в государственные органы от представителей калмыцкого населения поступили разной формы заявления, требовавшие «предоставления калмыкам автономии в рамках Ойротии, Бурят-Монголии, Хакасии или Внешней Монголии»⁷¹. Причина требования автономии именно в составе этих республик и стран заключалась в общности этнического происхождения и буддийского вероисповедания⁷². Отметим, что если в отношении Монголии и Бурят-Монголии эти утверждения соответствовали истине, то в части Ойротии (Горный Алтай) они не были вполне корректными: алтайцы являются народом тюркского, а не монгольского происхождения, хотя их традиционная религия (бурханизм) зародилась под влиянием монгольского буддизма. Очевидно, авторов писем вводило в заблуждение название региона (ойраты – предки калмыцкого народа)⁷³. В отношении Хакасии утверждения о родстве с калмыками не представляются обоснованными: хакасы – народ тюркского, а не монгольского происхождения, по вероисповеданию не буддисты (частично православные, частично приверженцы шаманизма и других традиционных верований).

Видимо, с целью подстегнуть подачу петиций со стороны калмыцкого населения, участники инициативной группы информировали калмыков через свои связи о том, что якобы «калмыцкий вопрос уже разрешается», что работают соответствующие комиссии, в результате чего калмыкам вновь дадут национальную автономию⁷⁴. Калмыцкое население охотно верило этим слухам⁷⁵. Назывались различные вымышленные сроки нового переселения. Весной 1944 г. Гахаев писал Манджиеву, что «надо готовиться к новому переселению в МНР или Алтайский край, и что это вопрос ближайших дней».

1 мая 1944 г. в беседе с калмыками Гахаев говорил: «Калмыцкое население вскоре будет вторично переселено в Алтайский край или Бурят-Монгольскую Республику, а калмыки, непосредственно виновные в поддержке немцев, будут переселены в холодный Нарым». Он утверждал, что «в Алтайском крае или Бурят-Монголии будет организован национальный округ или область», и называл сроки: «Если до 15 мая такое переселение не состоится, то осенью мы все обязательно уедем». По другим данным, Гахаев говорил о грядущем в мае 1944 г. переселении калмыков в Ойротию, а уже летом – о том, что «калмыков будут собирать к границам Бурят-Монгольской республики, и это должно разрешиться примерно в августе месяце 1944 г.»⁷⁶.

Такие же сведения распространяли другие участники инициативной группы. Дорджиев утверждал, что «в Москве сейчас ставится вопрос о присоединении калмыков к Бурят-Монгольской АССР или возвращении их на Родину»⁷⁷. Бывший ответственный работник наркомзема Калмыкии О. Рагчинский (после депортации зоотехник в Кулундинском районе Алтайского края) в августе 1944 г. в письме сыну в Новосибирскую обл. информировал его о том, что «в Алтайском крае калмыки готовятся к отправке на прежнее место жительства, в Калмыцкую АССР. Место сбора для отправки калмыков назначено на ст[анции] Кулунда». 16 октября 1944 г. Рагчинский говорил: «К осени должен разрешиться вопрос о калмыках, либо о переселении их обратно в бывшую Калмыцкую АССР, или здесь образуют национальную автономию»⁷⁸.

Участники инициативной группы высказывали надежды на послевоенные политические изменения в стране: «После окончания войны мы увидим свет». Манджиев считал, что «национальная политика партии такова, что любая нация не может быть уничтожена», рассчитывая на то, что после окончания войны под давлением западных союзников калмыкам «предоставят автономию... в рамках какой-нибудь национальной республики». «Прозападные» настроения разделял и Рагчинский: «Скоро будут переселять всех калмыков в бывшую Калмыцкую АССР или Монголию, потому что этого требуют союзники: Англия и Америка»⁷⁹.

Некоторые участники инициативной группы допускали антисоветские и антисталинские высказывания. В частности, Наднеев говорил: «Неужели из нас, калмыков, не найдется один... застрелить его (Сталина. – Ф.С.)». Бытовали прогитлеровские настроения. Ц. Манджиев говорил: «Если будет победа за немцами, то, безусловно, мы поедем обратно, а если победят и разобьют немецкую армию русские, то, конечно, мы здесь останемся навечно». Он спрашивал: «Что для нас, калмыков, толку, что Красная армия разгромит немецкие войска? Почета, уважения и доверия со стороны советского правительства нам нет, и не будет. Имели бы уважение и ценили бы нас лучше, если бы победа была на стороне немцев». Некоторые участники группы считали, что «будущее калмыцкого народа будет определено окончанием войны Японией»⁸⁰, апеллируя к буддистской общности с этой нацией.

Деятельность инициативной группы нашла отклик среди части калмыцкого населения, высказывавшего уверенность в том, что в спецсылке им удастся «устроить революцию», так как «руководители у нас есть»⁸¹. Слухи о возвращении в Калмыкию или переселении на новое место, которые весной и летом 1944 г. распускали участники инициативной группы, послужили причиной того, что в Барабинском районе Новосибирской обл. калмыки не стали сажать картофель⁸². В то же время, среди части калмыков сложилось отрицательное отношение к бывшему руководству их республики, которое «обанкротилось, не сумело организовать народ на борьбу с немцами, не вело по-настоящему борьбы с предателями». Бывший зампредседателя Калмпотребсоюза Шонхоров говорил: «В трагедии калмыцкого народа повинны все эти гаряевы, которые ни черта не делали по политическому воспитанию народа, занимались самоснабжением, личными делами и своими дрызгами». Капитан Красной армии Джимбеков соглашался с ним: «В тех страданиях, что сейчас испытывают калмыки, виноваты гаряевы, гахаевы и другие наши “руководители”, которые ничего не делали». Член ВКП(б) С.Г. Бадашев утверждал: «В переселении калмыков в Сибирь виноват состав калмыцкого правительства и бюро обкома ВКП(б). Эти горе-руководители не сумели организовать

народ на борьбу с немецкими варварами, они виноваты в том, что не хотели организовать партизанские отряды в тылу врага, сами бежали, бросив на произвол судьбы народ и рядовых коммунистов, не говоря уже о спасении государственных ценностей». По некоторым данным, в Алтайском крае демобилизованные офицеры-калмыки дважды избили бывшего председателя Верховного Совета Калмыцкой АССР Пюрвеева⁸³.

С момента размещения калмыков в местах спецпоселения органы НКВД противодействовали уголовным, в том числе антисоветским, проявлениям в среде спецпереселенцев. К декабрю 1944 г. в 6 регионах Сибири (Новосибирская, Омская, Томская, Тюменская обл., Алтайский и Красноярский края) были арестованы 188 калмыков, еще 1661 калмык состоял на оперативном учете. Из числа спецпереселенцев-калмыков были завербованы 1879 осведомителей, 56 агентов и 7 резидентов⁸⁴. Однако вышестоящие органы пеняли управлениям наркомата по Красноярскому краю, Омской и Тюменской областям, что за все время после депортации не было арестовано «за политические преступления ни одного калмыка», и настаивали на усилении репрессий против «антисоветского, шпионского и бандитско-предательского элемента»⁸⁵. Поэтому деятельность по нейтрализации «антисоветских элементов» среди калмыков, которая велась и до того⁸⁶, была усилена. Органы НКВД на местах приобретали целевую агентуру для «разработки» участников инициативной группы, а также других представителей калмыцкой интеллигенции и духовенства. Вербовалась «маршрутная агентура», в районы расселения калмыков была спущена ориентировка «о формах и методах вражеской деятельности калмыков в период немецкой оккупации и после нее». Работавшей по «калмыцкому контингенту» агентуре поставили задачу «устанавливать конкретных распространителей слухов и измышлений среди спецпереселенцев-калмыков вокруг вопроса о переселении, предоставления национальной автономии» и по другим вопросам с целью «активизации их разработки и своевременного пресечения их деятельности». Проводились агентурные комбинации с вводом квалифицированных агентов в среду «антисоветски настроенных» калмыков⁸⁷.

Разговоры участников группы, негативная оценка действий партийного руководства и советского правительства в вопросе выселения калмыцкого народа становились известными НКВД. Участники группы, по воспоминаниям Андраева, «по некоторым признакам» догадывались об этом, однако своих встреч не прекращали. К лету 1944 г. органы НКВД стали переходить к активным, но пока профилактическим мерам. Участников группы вызывали «на беседу» и требовали «прекратить клеветнические измышления о политике партии и правительства». В противном случае угрожали привлечь к уголовной ответственности. Долго ждать реализации этих угроз не пришлось⁸⁸. В отношении участников инициативной группы начали оперативную разработку «Паутина». В период с ноября 1944 г. по апрель 1945 г.⁸⁹ были арестованы наиболее радикально настроенные участники инициативной группы: Наднеев (член ВКП(б), бывший начальник ГлавЛИТО Калмыцкой АССР), Саврушев (член ВКП(б), бывший председатель Элистинского горсовета и заместитель председателя Госплана при СНК Калмыцкой АССР), Мацаков (член ВКП(б), бывший начальник управления искусств при СНК Калмыцкой АССР), О.Л. Нормаев (член ВКП(б), бывший работник Наркомпроса Калмыцкой АССР) и Ц. Манджиев (бывший заместитель наркомзема Калмыцкой АССР по животноводству, исключен из ВКП(б) «за связь с бандитами»)⁹⁰. Органы НКВД утверждали, что Мацаков, Манджиев и Наднеев, а также не подвергшийся аресту Гахаев ранее «были замешаны в связях с буржуазными националистами и разрабатывались нашими органами»⁹¹.

Арестованным инкриминировалось, что их «группа, считая себя обиженной, занималась критикой с антисоветских позиций решений правительства о переселении и отождествляла национальную политику партии с расовой политикой немцев». Наднеев и Нормаев якобы «еще в Калмыкии входили в состав правотроцкистской организации и вынашивали террористические намерения в отношении одного из руководителей партии (Сталина. – Ф.С.)»⁹². На допросах Наднеев показывал: «Переселение калмыцкого народа вызвало у меня еще больше озлобления, я считал, что решение правительства

о переселении калмыков в Сибирь является неправильным и направлено на уничтожение калмыцкого народа. Основным виновником я считал Сталина, и еще больше был озлоблен им». Наднеев признался, что говорил калмыкам: «Во всем виноват Сталин, и если бы мне представился случай, я бы собственными зубами перегрыз ему горло»⁹³. Саврушев признался на следствии: «Наша антисоветская националистическая группировка бывших руководящих работников Калмыкии, озлобленная переселением, ставила своей целью заставить правительство отменить свое решение и представить калмыкам обратно национальное существование». Он указал, что «мы обвиняли партию и...»⁹⁴ в перерождении национальной политики партии. Факт переселения калмыков рассматривали как фашистскую расовую политику»⁹⁵. Всех арестованных в рамках данного дела приговорили к лишению свободы на сроки от 5 до 10 лет⁹⁶.

Органы НКВД выявили других участников группы, в том числе, Гахаева (как «инициатора» отдельных встреч группы), Корсункиева и Андраева, которые «вместе с арестованными обсуждали вопросы национальной политики партии»⁹⁷. По воспоминаниям Андраева, органы НКВД пытались привлечь к уголовной ответственности Утнасунова и Гахаева⁹⁸, однако по каким-то причинам этого не сделали. Тем не менее, поскольку, как выявили органы НКВД в ходе следствия и агентурной разработки, оставшиеся на свободе участники группы намеревались продолжать распространять среди калмыцкого населения «свои настроения», все они по указанию Л.П. Берии в 1945 г. были вызваны в Новосибирский обком ВКП(б) и предупреждены «о недопустимости такого поведения»⁹⁹.

Подверглись репрессиям и другие «антисоветские элементы» среди калмыков. В декабре 1944 г. Берия лично дал указание об аресте упоминавшегося выше Кедеева, поселкового коменданта УНКВД Томской обл., который высказывал антисоветские настроения¹⁰⁰. В 1945 г. был арестован поэт Д.Н. Кугультинов (по учетным данным НКВД, «сын буржуазного националиста»). После депортации он инициировал отправку коллективного письма от имени 15 калмыков на имя Сталина, а также открыто осуждал депортацию калмыцкого народа¹⁰¹.

Возобновление активности инициативной группы произошло в начале 1946 г. в связи с выборами в Верховный Совет СССР. Участники группы в беседах между собой активно обсуждали предстоявшие выборы, сетовали, что «калмыкам невозможно выдвинуть своего кандидата», делали выводы, что «это неправильно и что голосование калмыков в этой связи будет носить чисто формальный характер». Гахаев говорил: «Мы... нация, лишенная возможности участвовать в выборах», «наша калмыцкая жизнь – это скотская жизнь, ибо мы находимся вне общественной политической жизни». Он утверждал, что калмыки – «народ в политическом отношении убитый», и что если правительство не поймет этого и не даст калмыцкому народу национальное самоопределение, «то без этих прав жизнь для нас смерти подобна». Гахаев рассказывал участникам группы о том, что он был приглашен на пленум райкома ВКП(б), где «хотел выступить в прениях, но не сделал этого, потому что выступающий инструктор Обкома ВКП(б) сказал, что необходимо усилить агитационную работу среди немцев и калмыков, ибо среди них есть обиженные люди». Эти слова подействовали на Гахаева крайне негативно: он был обескуражен тем фактом, что «мы, калмыки, стоим на одинаковом положении с немцами и не пользуемся доверием»¹⁰².

Настроения массы калмыков в связи с выборами были схожими. Часть из них не верила, что им будет предоставлено право избирать и быть избранными. Единственная надежда на возможность избрания калмыка по национальности возлагалась на генерал-полковника О.И. Городовикова, хотя были сомнения, даже при условии выдвижения его кандидатуры, что «разрешат ли нам, калмыкам, голосовать за него»¹⁰³. Однако Городовиков, который являлся депутатом Совета Национальностей Верховного Совета СССР первого созыва (1938–1945), в 1946 г. кандидатом в депутаты выдвинут не был¹⁰⁴.

Некоторые калмыки проявляли ненависть к кандидатам в депутаты, русским по национальности. Часть калмыков высказывала антисоветские настроения, не желала

«голосовать за старых вождей»¹⁰⁵, выражала пожелания, чтобы «Сталина и его помощников не выбрали в Верховный Совет СССР» и отстранили их от руководства страной. Как и прежде, зрели надежды на помощь со стороны «западных демократий» и Монголии¹⁰⁶. В то же время, отмечались и положительные настроения. Некоторые калмыки говорили: «Напрасно отдельные калмыки обижаются на переселение. Нам здесь живется неплохо... Мы участвуем в выборах, значит советская власть не забывает и нас». Другие положительно оценивали тот факт, что калмыки не лишались избирательных прав и вовлекались в предвыборную агитацию «наравне с русскими». В различных формах муссировались идеи о неизбежном восстановлении автономных республик немцев и калмыков, так как в Конституции РСФСР Калмыцкая АССР и АССР Немцев Поволжья продолжали значиться как регионы, входящие в состав РСФСР¹⁰⁷. Некоторые калмыки выражали желание голосовать с условием, чтобы «после выборов вышел закон ехать домой»¹⁰⁸.

В дни выборной кампании участники группы решили направить новые письма в адрес советского руководства: Гахаев вызвался написать Г.М. Маленкову¹⁰⁹, группа в составе Андраева, Гахаева и Корсункиева – И.В. Сталину. Они собрали материалы об историческом прошлом калмыцкого народа, участии Калмыцкой АССР и калмыков в Великой Отечественной войне, трагическом положении калмыков на спецпоселении. Каждый из авторов подготовил свой раздел письма. По словам Андраева, поскольку он был «на разъездной работе, встречался в районах с земляками», то «располагал конкретными фактами с мест поселения». Общий текст из подготовленных материалов составил Корсункиев, затем все авторы письма отредактировали и подготовили его окончательный вариант. В письме говорилось, что «перед советской страной и всеми ее народами человеческая, гражданская совесть подавляющего большинства калмыков осталась чистой», «предателями могут быть единицы и десятки людей, они были среди многих народов», «но никогда не будет предателем целый народ». Авторы пытались убедить Сталина, что выселение калмыков из родных мест было трагической ошибкой, которая имела тяжелые и непоправимые последствия в судьбе народа, и что «калмыки должны быть возвращены на свои родные земли, национально объединены, политически реабилитированы, экономически и культурно возрождены». Письмо отправили Сталину в конце апреля 1946 г.¹¹⁰

На этот раз органы НКВД приняли меры по пресечению возобновившейся деятельности инициативной группы более спешным порядком. В конце мая 1946 г. Барабинск посетил начальник отдела спецпоселений УНКВД по Новосибирской обл. генерал-лейтенант Г.С. Жуков. Участников группы вызвали в комендатуру города. Андраев, который был приглашен на «беседу» первым, вспоминал: «В кабинете, кроме Жукова, находился человек в форменной гимнастерке, приталенной офицерским поясным ремнем, но без знаков различия. Каменная молчаливость и пристальное внимание его к разговору означали, что он – крупная “птица” из органов госбезопасности. С первых минут стало ясно, что содержание наших писем хорошо известно Жукову. Он возмущался: откуда мы такие выискались, и кто нас уполномочил выступать в роли защитников калмыцкого народа. Стал обвинять меня в том, что я сочиняю всякую чушь, чтобы скомпрометировать местную власть... Я твердо стоял на том, что каждый пример, приведенный в письме, имеет свой адрес, относится к конкретным лицам или семьям... Писали же не для того, чтобы опорочить руководство области или какого-то района, а чтобы показать, в каком безысходном и унижительном положении оказался целый народ, который вымирает на глазах». Андраев понял, что «беседа» с целью «заткнуть рты» участникам группы была не личной инициативной Жукова, а инспирирована руководителями государства. На «беседу» также были вызваны Утнасунов, Гахаев, Корсункиев, Менкеев и др. Всем были предъявлены одни и те же обвинения и угрозы¹¹¹.

Затем последовал вызов Утнасунова, Гахаева, Корсункиева, Менкеева и некоторых других участников группы в Новосибирск. На этот раз «разговор» состоялся в обкоме ВКП(б). Представители власти открыто пригрозили участникам группы: «Если не прекратите, то вызовем не сюда, а в Управление НКВД, и устроим “баню” поодиночке»¹¹².

Органы НКВД отмечали, что после вызова в обком участники инициативной группы свою деятельность «несколько сократили, однако продолжают “переселенческие” разговоры в узком кругу и сами систематически пишут в различные инстанции заявления с просьбой о переселении калмыков». Указывалось, что «эта сторона их деятельности известна калмыцкому населению, и оно к ней прислушивается»¹¹³.

Опубликование 26 июня 1946 г. Указа Верховного Совета РСФСР о ликвидации Чечено-Ингушской АССР и преобразовании Крымской АССР в Крымскую область¹¹⁴ вызвало волнения в среде депортированных калмыков. Многие считали, что поскольку Калмыцкая АССР официально не была ликвидирована и исключена из Конституции, то «калмыки будут где-то воссоединены», им предоставят национальную автономию, а возможно, и переселят обратно на территорию Калмыкии¹¹⁵.

Органы НКВД отмечали, что «особенно много разговоров на эту тему ведут бывшие руководящие работники Калмыцкой АССР». Гахаев заявил: «Сегодня я впервые здесь, в Сибири, почувствовал себя веселее, и это потому, что калмыков ожидает что-то хорошее... Коль скоро Калмыцкую АССР не упразднили, следовательно, мы поедем обратно или сольемся с Ойротией». Корсункиев в разговоре с калмыками сказал: «Нужно упорно добиваться... о возврате в Калмыцкую АССР ... или все мы здесь, в Сибири, выйдем»¹¹⁶. Манджиев утверждал: «Эти республики (Чечено-Ингушская, Крымская) переселены вместе в нашей республикой по одному и тому же мотиву. Надо полагать, что эти республики не оправдали себя вообще. Раз о нас там же [не] упоминается, наше положение, надо ожидать, улучшится». Муссировались слухи, что «вопрос о восстановлении Калмыцкой республики можно считать решенным», так как «Конституция есть основной закон, там пустая фраза о мнимой республике не должна существовать», хотя и «вряд ли нас переселят туда, где мы жили раньше», так как «там все районы и города наши переименованы», поэтому, «скорее всего, нас объединят где-нибудь в Алтайском крае»¹¹⁷. Участники инициативной группы также «инспирировали посылку калмыками заявлений в правительственные инстанции с просьбой о переселении, советуя “стучать во все двери правительства и главным образом с черного хода”». По мнению НКВД, «в этих заявлениях, как правило, тенденциозно освещалось положение калмыков и преувеличивались те трудности, которые они испытывают в новых местах поселения»¹¹⁸.

Внутренний разлад в среде калмыцкого населения, который ярко проявился после депортации, сохранялся и на более поздних этапах: в то время как часть калмыков руководствовалась мнением участников инициативной группы, калмыки, служившие во время войны в Красной армии, продолжали проявлять недовольство бывшим руководством Калмыкии в связи с тем, что оно «не сумело воспитать калмыцкое население в духе преданности Родине, партии и правительству, необъективно информировало советское правительство о ситуации в республике и не приняло своевременно решительных мер по борьбе с бандитизмом и развертыванию партизанского движения на территории республики». Другая часть калмыцкого населения продолжала возлагать большие надежды на скорое военное столкновение Советского Союза с США и Великобританией, поражение СССР в этой войне и улучшение в связи с этим положения калмыков¹¹⁹. Антисоветским настроениям способствовала крайняя слабость разъяснительной работы советских органов среди калмыцкого населения, если не считать разовых пропагандистских акций, таких как агитация во время выборов в Верховный Совет СССР¹²⁰.

К 1949 г. деятельность инициативной группы приостановилась. Во-первых, это было вызвано преследованиями со стороны НКВД. Гахаев из-за постоянных приди-рок со стороны спецкомендатуры вынужден был переехать из Новосибирской обл. в Алтайский край. Однако и там его не оставили в покое¹²¹. В конце концов, в 1949 г. Гахаева арестовали и осудили на 10 лет лишения свободы за «клевету на Сталина»¹²². Утнасунов получил направление на новую работу по рыбной отрасли и уехал на Са-халин. Корсункиев, который продолжал открыто осуждать партию и правительство за их преступную политику в отношении калмыцкого народа, был исключен из ВКП(б),

снят с работы, и вынужден был уехать в Чулым (в партии его восстановили только после воссоздания калмыцкой автономии)¹²³. Для преследования участников группы и других «нелояльных элементов» органы НКВД обладали достаточной агентурой – только в Новосибирской обл. на 1 июля 1946 г. из 16 379 человек калмыцкого населения 675 человек (4.1%) сотрудничали с НКВД (52 агента, 20 резидентов, 603 осведомителя)¹²⁴. Во-вторых, настроение калмыцкого населения постепенно изменилось в сторону, более лояльную по отношению к советской власти, что было связано с постепенным закреплением калмыков в местах спецпоселений, улучшением их быта и хозяйственного устройства¹²⁵. В 1945–1946 гг. нормы выработки в промышленности и сельском хозяйстве они выполняли на 100–120%¹²⁶, добивались «высоких показателей производительности труда»¹²⁷. В донесениях с мест постоянно отмечалось, что «подавляющее большинство калмыков трудится хорошо»¹²⁸.

В 1950 г. органы НКВД отмечали, что настроения калмыков, «за небольшим исключением, являются здоровыми, и их высказывания – положительными», в чем немалую роль сыграло улучшение материального и хозяйственного положения калмыцкого населения. Определенная часть калмыков смирилась с режимом спецпоселений, говоря: «Не разрешают нам выезжать, так, видимо, этого требует обстановка, виновные в этом мы сами, среди нашей национальности были проявления против советской власти, и мы обязаны эту вину оправдать». Хотя некоторые калмыки продолжали выражать антисоветские настроения¹²⁹, а также распространять разные слухи (в частности в 1949 г., во время переучета спецпереселенцев, – о возможности новой депортации «в холодные края – на север»)¹³⁰, такие настроения уже не преобладали.

К началу 1950-х гг. значительно сократилась смертность среди калмыков, и численность этого народа стала расти – к 1 января 1950 г. она достигла 77 639 человек¹³¹, к 1 января 1954 г. – 81 246¹³². Уменьшилось количество побегов калмыков из спецпоселений: если на 1 декабря 1946 г. бежали и разыскивались 95 человек¹³³, то в 1948 г. – 8, на 1 января 1949 г. в бегах находились 7 человек¹³⁴. Значительно улучшилось положение их детей. В частности, в Казахской ССР 89.9% детей калмыков обучались в школах, что являлось показателем лучшим, чем в среднем по спецпоселенцам (70.6%) и по большинству «спецконтингентов» (чеченцы, ингуши, карачаевцы и балкарцы – 59.4%, немцы – 80.8%, поляки – 88.3%)¹³⁵.

Деятельность инициативной группы бывших руководящих работников Калмыкии резко активизировалась в начале 1956 г., после XX съезда КПСС, на котором Н.С. Хрущев в своем докладе осудил депортации народов как одно из проявлений культа личности Сталина¹³⁶. Узнав об этом, участники группы стали обращаться в ЦК КПСС и лично к Хрущеву с призывом о скорейшем восстановлении Калмыцкой АССР в довоенных границах, наладили связь с активистами из других регионов и по договоренности между собой направляли письма советскому руководству из всех мест проживания калмыков. В частности, Гаряев выезжал из Муйнака, где он проживал в это время, в Аральск и Кызыл-Орду, где собрал значительное число подписей калмыков под обращением к правительству¹³⁷. По мнению Андраева, «такой натиск с мест... всерьез встревожил верховные власти», так как «осудив культ личности, они не собирались возвращать в родные места депортированные народы»¹³⁸.

Предложения о полном снятии правовых ограничений со спецпереселенцев, которые муссировались в ЦК КПСС и МВД СССР с 1953 г.¹³⁹, стали принимать конкретную форму еще до XX съезда КПСС. В частности, в январе 1956 г. на места спецпоселений были направлены запросы о возможности полного снятия ограничений с калмыков (наряду с другими депортированными народами). Ответы от руководства ряда регионов, в частности из Красноярского края¹⁴⁰, Кемеровской¹⁴¹ и Сахалинской¹⁴² обл., Узбекской ССР¹⁴³, приходили, в основном, положительные. Однако реакция руководства тех регионов, где размещались особенно большие контингенты калмыцкого населения – Новосибирской обл. и Алтайского края – была отрицательной. Калмыцкое население имело тягу к выезду из этих регионов, особенно в район Аральского моря, выискивая различные причины (соединение с дальними родственниками, климатические условия

и т.п.). 24 августа 1954 г. 70 семей калмыков, проживавших в Болотнинском районе Новосибирской обл., подали заявление с просьбой разрешить им переехать на постоянное жительство в Среднюю Азию на освоение целинных и залежных земель. Зная о том, что освоение целинных земель велось и на территории Новосибирской обл., они мотивировали свое заявление «тяжелыми климатическими условиями Сибири и... неприспособленностью к ним калмыков». На самом деле, было известно, что «калмыки потому хотят выехать в Аральск, что они намерены вступить в ходатайство перед правительством о создании там своей автономной республики». Также значительная часть калмыков имела намерение после снятия их с учета спецпоселения вернуться на территорию Калмыкии. О стремлении вернуться на родину говорило и то, что большинство калмыков, расселенных в сельской местности, не желало юридически оформлять членство в колхозах¹⁴⁴. Среди калмыцкого населения Алтайского края распространялись настроения о выезде в республики Средней Азии или в районы Каспия и Поволжья. На основании этих фактов Алтайский крайком¹⁴⁵ и Новосибирский обком КПСС считали «снятие калмыков с учета спецпоселения... преждевременным»¹⁴⁶. Тем не менее, 17 марта 1956 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР о снятии ограничений в правовом положении с калмыков и членов их семей, находившихся на спецпоселении¹⁴⁷. Однако это решение содержало в себе существенное ограничение в части лишения калмыков права возвращаться в места, откуда они были выселены, а также требовать компенсации за утраченное во время депортации имущество.

Советское руководство, в том числе по причине материальных затрат, связанных с возвращением депортированного населения на родину, стремилось удержать калмыков, освобожденных из спецпоселения, в тех регионах, куда они были депортированы. Во все области и края, где жили калмыки, были командированы работники ЦК КПСС. Они организовали встречи с участием бывших руководящих работников и членов партии из числа калмыков с целью убедить их отказаться от возвращения в Калмыкию. По словам Андраева, «за это народу сулили всякие блага». Однако участники собраний, в числе которых были члены инициативной группы, не согласились с таким предложением и настаивали на возвращении калмыков на родную землю¹⁴⁸.

Стремление калмыков выехать на родину стало столь явным и неодолимым, что советское руководство задумалось о возможности их возвращения на исконные земли. Руководству регионов, на территории которых до депортации проживали калмыки, были направлены запросы об их готовности принять калмыцкое население в случае его возвращения из спецсылки¹⁴⁹. Руководство Астраханской, Ростовской и Сталинградской обл. не возражало, с оговоркой, что хотя «свободные территории для их расселения... имеются, однако нет жилья», поэтому «размещение... калмыков возможно при условии оказания им со стороны государства помощи в строительстве». Руководство Ставропольского края противилось возвращению калмыков, указывая на ту же причину – «отсутствие жилья»¹⁵⁰.

В конечном итоге, возвращение калмыков признали «целесообразным», в том числе потому, что «значительная часть территории, где проживали ранее калмыки, ... в настоящее время не заселена». Возвращение предполагалось осуществить при условии оказания калмыкам «материальной помощи для хозяйственного обустройства», а затем и «рассмотреть вопрос о создании для них областной автономии»¹⁵¹. 9 января 1957 г. была воссоздана Калмыцкая АО в составе Ставропольского края. 29 июля 1958 г. ее преобразовали в Калмыцкую АССР. Возвращение калмыцкого народа на родную землю и восстановление его территориальной автономии завершилось. Некоторые участники инициативной группы вошли в число новых руководителей Калмыкии – Д.Б. Утнасунов был назначен председателем Оргкомитета по Калмыцкой АО, вошел в состав Оргбюро Калмыцкой партийной организации, возглавил Комиссию по переселению калмыцкого народа, Ц.О. Саврушев возглавил оргбюро областного комитета КПСС, С.-Г.М. Манджиев – отдел переселения и оргнабора рабочих при Калмыцком облисполкоме. В марте 1957 г. в областной совет депутатов трудящихся избрали Утнасунова и Саврушева¹⁵².

Итак, деятельность инициативной группы бывших руководящих работников Калмыцкой АССР по улучшению положения депортированного калмыцкого народа была инспирирована несколькими факторами. В первое время после депортации (1944 г.) у бывших руководителей упраздненной Калмыцкой АССР сохранялась уверенность в том, что даже после выселения они остались в номенклатурной когорте. Об этом говорит, например, тот факт, что письма Сталину участники группы заканчивали «по-своему»: «С коммунистическим приветом, Корсункиев Церен, Гахаев Дорджи, Андраев Дорджи»¹⁵³. Переоценка участниками группы своего государственного и партийного влияния (которое после депортации оказалось ничтожным) стала причиной того, что они без колебаний распространяли среди калмыцкого населения сведения о «возвращении домой», «организации новой автономии» и т.д. Бывшие руководители Калмыкии были уверены, что поскольку они, приведя обоснованные и разумные аргументы, попросили об этом своих «товарищей по партии» Сталина, Андреева, Маленкова, Калинина, те непременно выполнят эту просьбу. С точки зрения участников инициативной группы, распространяемые ими сведения являлись не безответственными слухами, а лишь предвосхищением того, что должно было обязательно произойти. И тем горче оказалось разочарование, когда позднее бывшие руководители Калмыкии поняли, что их голоса больше ничего не значат.

Несомненно, в деятельности инициативной группы присутствовал и личный фактор. Испытав резкое падение с властных высот в маргинальную пучину, бывшие руководители Калмыкии пытались восстановить свою социально-политическую значимость, показать, возможно, прежде всего, самим себе, что они по-прежнему «вожди», которые несут ответственность за судьбу вверенного им народа. В идеях, которые муссировали участники инициативной группы, проявились настроения всей массы депортированного калмыцкого населения. Участники группы пытались представить наиболее «приемлемые» из них (улучшение материального положения депортированных калмыков, реабилитация калмыцкого народа и его возвращение на родину) вниманию руководства страны.

Закономерно, что деятельность группы не была воспринята калмыцким населением однозначно. После насильственного выселения из родных мест у части калмыков возникли претензии к бывшему руководству их республики, которое не проявило инициативы в мобилизации калмыцкого народа на борьбу с гитлеровскими оккупантами, и это впоследствии послужило причиной депортации калмыков. Действительно, Калмыцкий обком ВКП(б) и СНК республики, в том числе лично секретарь обкома П.В. Лаврентьев (русский по национальности) и председатель СНК Н.Л. Гаряев, провалили эвакуацию, не смогли организовать и оставить в тылу у гитлеровцев подпольщиков и партизанские группы. Однако этот факт сам по себе, возможно, не стал бы причиной депортации. Претензии к руководству Калмыкии и калмыцкому народу целенаправленно раздули. После освобождения Калмыкии, в феврале 1943 г. на пост главы Калмыцкого обкома ВКП(б) вместо смещенного П.В. Лаврентьева был назначен А.Ф. Ликомидов. Последний нашел себе единомышленников в лице наркома госбезопасности Калмыцкой АССР А.П. Михайлова и секретаря обкома ВКП(б) по кадрам П. Касаткина. Начиная с февраля 1943 г. эти руководители вошли в конфликт с другими руководящими работниками республики, калмыками по национальности. В мае 1943 г. конфликт перешел в открытое противостояние. Ликомидов, Михайлов и Касаткин обвиняли руководителей-калмыков и весь калмыцкий народ в нелояльности, о чем сообщали советскому руководству. В конце концов, их деятельность повлияла на принятие решения о депортации калмыцкого народа¹⁵⁴.

В целом, роль инициативной группы бывших руководящих работников Калмыкии в решении проблем калмыцкого народа, возникших после его депортации, не нужно переоценивать. Однако следует признать, что участники группы в условиях того времени сделали все возможное. Деятельность группы является одним из немногих известных случаев существования в СССР подобия института гражданского общества, возникшего по инициативе людей, помимо воли государственной машины, с целью

решения социально-политических проблем, насущных для определенной части общества.

В заключение приведу слова одного из активных участников группы Д.Л.-Г. Андреева: «Сегодня мне не стыдно за моих товарищей – единомышленников и за себя. Мы не молчали. Наш голос в защиту своего народа, как его ни пытались заглушить, все-таки доходил до высших органов власти партии и государства. И, в конце концов, мы не остались без ответа»¹⁵⁵.

Примечания

¹ ГА РФ, ф. 9401, оп. 2, д. 64, л. 1.

² Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. С. 120–121.

³ Максимов К.Н. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. М., 2007. С. 351, 325.

⁴ Там же. С. 315; Кирсанов Н.А., Дробязко С.И. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: национальные добровольческие формирования по разные стороны фронта // Отечественная история. 2001. № 6. С. 68; Семиряга М.И. Судьбы советских военнопленных // Вопросы истории. 1995. № 4. С. 22–23.

⁵ Максимов К.Н. Указ. соч. С. 228.

⁶ По принятой в те годы терминологии, «бандпровавления» включали в себя нападения на офицерский, сержантский и рядовой составы Красной армии, сотрудников НКВД и совпартработников, а также нападения на государственные и колхозные учреждения, в том числе с целью ограбления.

⁷ Посчитано по: ГА РФ, ф. 9478, оп. 1, д. 43, л. 47, 60.

⁸ Вылцан М.А. Депортация народов в годы Великой Отечественной войны // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 33.

⁹ Сталин И.В. Сочинения. Т. 5. М., 1947. С. 277–278.

¹⁰ ГА РФ, ф. 9479, оп. 1, д. 169, л. 82.

¹¹ Бердинских В.А. Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России. Киров, 2003. С. 59.

¹² ГА РФ, ф. 9479, оп. 1, д. 161, л. 180.

¹³ Там же, д. 177, л. 119.

¹⁴ Там же, д. 160, л. 126–127.

¹⁵ Там же, д. 161, л. 180.

¹⁶ Там же, д. 160, л. 126.

¹⁷ Там же, д. 161, л. 173.

¹⁸ Там же, л. 143 об.

¹⁹ Там же, д. 160, л. 126–127.

²⁰ Там же, д. 161, л. 175.

²¹ Там же, д. 177, л. 19–20.

²² Там же, д. 176, л. 3 об.

²³ Там же, д. 161, л. 143 об.

²⁴ Там же, л. 175.

²⁵ Там же, д. 177, л. 136 об.

²⁶ Там же, л. 128–129.

²⁷ Там же, д. 161, л. 177–179.

²⁸ Ойротская автономная область, с 1948 г. Горно-Алтайская автономная область, ныне Республика Алтай.

²⁹ ГА РФ, д. 161, л. 176.

³⁰ Там же, д. 176, л. 7–7 об.

³¹ Там же, д. 177, л. 91 об.

³² Там же, д. 176, л. 7.

³³ Там же, л. 43–44.

³⁴ Там же, л. 84 об.

³⁵ Там же, д. 177, л. 104 об.

³⁶ Там же, л. 93.

³⁷ Там же, д. 161, л. 179.

- ³⁸ Там же, д. 177, л. 152.
- ³⁹ Там же, д. 160, л. 143.
- ⁴⁰ Там же, л. 159.
- ⁴¹ Там же, д. 156, л. 44.
- ⁴² Там же, д. 573, л. 291.
- ⁴³ Там же, д. 552, л. 60.
- ⁴⁴ Там же, д. 573, л. 286.
- ⁴⁵ Там же, д. 161, л. 143об.–144.
- ⁴⁶ Там же, д. 177, л. 68.
- ⁴⁷ Там же, д. 176, л. 36–37, 43–44.
- ⁴⁸ Там же, д. 177, л. 3.
- ⁴⁹ *Убушаев В.Б., Убушаев К.В.* Калмыки: выселение, возвращение, возрождение. 1943–1959 гг. Элиста, 2007. С. 256.
- ⁵⁰ ГА РФ, ф. 9479, оп. 1, д. 248, л. 10, 15–16.
- ⁵¹ *Андреев Д.Л.-Г.* Горькое прозрение наступило позже // *Годаев П.О.* Боль памяти. Элиста, 1999. С. 213–214.
- ⁵² ГА РФ, ф. 9479, оп. 1, д. 169, л. 82–83.
- ⁵³ Там же, д. 161, л. 153.
- ⁵⁴ Там же, л. 174.
- ⁵⁵ Там же, д. 169, л. 82.
- ⁵⁶ Там же, д. 161, л. 154.
- ⁵⁷ Там же, л. 174.
- ⁵⁸ Там же, д. 169, л. 82–83.
- ⁵⁹ Там же, д. 161, л. 175.
- ⁶⁰ Там же, д. 169, л. 82–83.
- ⁶¹ Там же, д. 161, л. 154.
- ⁶² Там же, д. 169, л. 82.
- ⁶³ Там же, л. 80–81, 83.
- ⁶⁴ Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945. М., 2003. С. 420–421.
- ⁶⁵ ГА РФ, ф. 9479, оп. 1, д. 169, л. 83.
- ⁶⁶ Там же, л. 83–84.
- ⁶⁷ Там же, л. 84.
- ⁶⁸ Там же, л. 84–85.
- ⁶⁹ *Андреев Д.Л.-Г.* Указ. соч. С. 216.
- ⁷⁰ Сталинские депортации. 1928–1953. М., 2005. С. 428–429.
- ⁷¹ ГА РФ, ф. 9479, оп. 1, д. 169, л. 85.
- ⁷² Там же, д. 161, л. 152–153.
- ⁷³ См.: *Басхаев А.Н.* Ойрат-калмыки: XII–XIX вв. (история и культура калмыцкого народа с древнейших времен до начала XIX века). Элиста, 2007.
- ⁷⁴ ГА РФ, ф. 9479, оп. 1, д. 161, л. 152.
- ⁷⁵ Там же, л. 176.
- ⁷⁶ Там же, л. 152.
- ⁷⁷ Там же, д. 169, л. 83.
- ⁷⁸ Там же, д. 161, л. 153.
- ⁷⁹ Там же, л. 153–154.
- ⁸⁰ Там же, л. 154.
- ⁸¹ Там же, д. 177, л. 158 об.
- ⁸² Там же, д. 161, л. 152.
- ⁸³ Там же, л. 173–174.
- ⁸⁴ Там же, д. 176, л. 136–137.
- ⁸⁵ Там же, д. 161, л. 170.
- ⁸⁶ Там же, л. 180.
- ⁸⁷ Там же, л. 192.
- ⁸⁸ *Андреев Д.Л.-Г.* Указ. соч. С. 214–215.
- ⁸⁹ Там же. С. 215, 222.
- ⁹⁰ ГА РФ, ф. 9479, оп. 1, д. 248, л. 13–14.
- ⁹¹ Там же, д. 169, л. 80–81.
- ⁹² Там же, д. 248, л. 14.
- ⁹³ Там же, д. 161, л. 159–160.

- ⁹⁴ В тексте сделан пропуск, возможно, имеется в виду И.В. Сталин.
- ⁹⁵ ГА РФ, д. 248, л. 14.
- ⁹⁶ Там же.
- ⁹⁷ Там же.
- ⁹⁸ *Андреев Д.Л.-Г.* Указ. соч. С. 222–223.
- ⁹⁹ ГА РФ, ф. 9479, оп. 1, д. 248, л. 14.
- ¹⁰⁰ Там же, д. 161, л. 154.
- ¹⁰¹ Там же, д. 169, л. 85.
- ¹⁰² Там же, д. 298, л. 199–200.
- ¹⁰³ Там же, д. 248, л. 295–296.
- ¹⁰⁴ См.: Известия. 1946. 14 февраля. С. 1–5.
- ¹⁰⁵ ГА РФ, ф. 9479, оп. 1, д. 298, л. 196–197.
- ¹⁰⁶ Там же, д. 248, л. 294, 297.
- ¹⁰⁷ Там же, д. 298, л. 194, 196–197.
- ¹⁰⁸ Там же, д. 248, л. 294.
- ¹⁰⁹ Там же, д. 298, л. 200.
- ¹¹⁰ *Андреев Д.Л.-Г.* Указ. соч. С. 216–217.
- ¹¹¹ Там же. С. 217–219.
- ¹¹² Там же. С. 219.
- ¹¹³ ГА РФ, ф. 9479, оп. 1, д. 248, л. 15.
- ¹¹⁴ Об утверждении Указов Президиума Верховного Совета РСФСР. Доклад Секретаря Президиума Верховного Совета РСФСР тов. П.В. Бахмурава // Известия. 1946. 26 июня. С. 2.
- ¹¹⁵ ГА РФ, ф. 9479, оп. 1, д. 265, л. 68.
- ¹¹⁶ Там же, л. 86–87.
- ¹¹⁷ Там же, л. 68–69.
- ¹¹⁸ Там же, д. 248, л. 15.
- ¹¹⁹ Там же, д. 265, л. 69.
- ¹²⁰ Там же, д. 248, л. 16.
- ¹²¹ *Андреев Д.Л.-Г.* Указ. соч. С. 220–221.
- ¹²² *Годаев П.О.* Борьба представителей калмыцкого народа за гражданские права народа в условиях депортации // Восстановление национальной государственности репрессированных народов России. Элиста, 2006. С. 233.
- ¹²³ *Андреев Д.Л.-Г.* Указ. соч. С. 220–221.
- ¹²⁴ ГА РФ, ф. 9479, оп. 1, д. 248, л. 6.
- ¹²⁵ Там же, д. 434, л. 22.
- ¹²⁶ Там же, д. 245, л. 4.
- ¹²⁷ Там же, л. 172 об.
- ¹²⁸ Там же, д. 248, л. 9.
- ¹²⁹ Там же, д. 547, л. 198–199, 204, 210–212, 219, 222, 244.
- ¹³⁰ Там же, д. 455, л. 46.
- ¹³¹ Там же, д. 552, л. 60.
- ¹³² Там же, д. 949, л. 123.
- ¹³³ Там же, д. 217, л. 330.
- ¹³⁴ Там же, д. 434, л. 4–5.
- ¹³⁵ Там же, д. 457, л. 1–2.
- ¹³⁶ О культе личности и его последствиях. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева XX съезду КПСС 25 февраля 1956 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 152.
- ¹³⁷ *Годаев П.О.* Борьба представителей калмыцкого народа... С. 234.
- ¹³⁸ *Андреев Д.Л.-Г.* Указ. соч. С. 221.
- ¹³⁹ ГА РФ, ф. 9479, оп. 1, д. 612, л. 76, 49–50.
- ¹⁴⁰ Там же, д. 834, л. 277.
- ¹⁴¹ Там же, л. 252.
- ¹⁴² Там же, л. 297.
- ¹⁴³ Там же, л. 248.
- ¹⁴⁴ Там же, л. 270, 272–274.
- ¹⁴⁵ Там же, л. 290–291.
- ¹⁴⁶ Там же, л. 270, 272–274.
- ¹⁴⁷ Там же, д. 949, л. 11.
- ¹⁴⁸ *Андреев Д.Л.-Г.* Указ. соч. С. 221–222.

¹⁴⁹ ГА РФ, ф. 9479, оп. 1, д. 834, л. 250–268, 275–285.

¹⁵⁰ Там же, д. 925, л. 128–130.

¹⁵¹ Там же, л. 125–127.

¹⁵² *Запариванный Р.И.* Восстановление национальной автономии калмыцкого народа 1953–1958 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Элиста, 2006. С. 63–66, 85.

¹⁵³ *Андреев Д.Л.-Г.* Указ. соч. С. 217.

¹⁵⁴ *Максимов К.Н.* Указ. соч. С. 130–131, 138, 299.

¹⁵⁵ *Андреев Д.Л.-Г.* Указ. соч. С. 222.